

Г. И. ШЕВЧЕНКО

DE AETERNO VIVIS SENTENTIIS

В связи с возросшим интересом к духовной культуре в целом и к гуманитарным наукам в частности, совершенно естественно, что в лингвистике особое внимание стало уделяться исследованию фразеологического наследия народов (ср.: [3]).

Поэтому вопросы взаимодействия, проникновения и адаптации фразеологических единиц (далее ФЕ) всегда актуальны. В связи с этим важно рассматривать более древние слои языка в диахроническом плане с элементами этимологических и культурологических изысканий. Такой подход, несомненно, обеспечивает чистоту эксперимента. Тем более, что в настоящее время одним из важнейших направлений в истории культуры является так называемая ментальная история, которая занимается изучением повседневного быта народа, что самым тесным образом связывает ее с филологией в широком понимании слова. С точки зрения этой проблемы интересны труды А. Я. Гуревича, Л. И. Баткина, Г. С. Кнабе, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, В. В. Малявина, Б. Н. Романова, В. В. Колесова и др. Работы этих исследователей посвящены разным социумам, но касаются одного вопроса: ментальности народа и семантики окружающего вещного мира. Подобные исследования не только способствуют более глубокому пониманию исконной литературы, но и позволяют полнее оценить способность к рецепции данной культуры, а также понять магию слова, символику предметов, материалов, чисел, цвета, формы, растений и т. д.

Сказанное самым непосредственным образом относится к текстологии в широком смысле и к переводу текста в более узком понимании. Без знания культурного фона эпохи порой невозможно адекватное понимание глубинной семантики текста. Сказанное касается прежде всего культурно-коннотированных лексем: предметы в античном сознании обладали не только материальной и практической ценностью, но имели еще и символично-образное содержание. Вот почему без учета символического значения предмета, его ритуального смысла весьма сложно правильно воспринять и передать иноязычный текст.

Среди заимствований из латинского (как и из греческого) многие слова и выражения приобрели интернациональный характер, причем степень распространения тех или иных общих заимствований различна как во времени, так и в пространстве. Например, к фразеологическим единицам, мало употребительным в наши дни, относится сочетание *sub rosa (dictum)* (буквально: *под розой (сказанное)*, а по смыслу: *по секрету, секретно*,

тайно, втайне). Данное фразеологическое сращение требует определенного комментария — без знания соответствующих реалий оно просто непонятно. Следует сказать, что роза была у древних символом молчания. На наш взгляд, этот символ римляне переняли у греков. Доказательством этому может служить факт, что названный цветок был посвящен Афродите и Эроту. Кроме того, во время симпосиев греки украшали головы венками из роз. Римляне переняли эту традицию, однако, в связи с тем, что этот фразеологизм стал известен европейцам через латынь, его связывают именно с римской культурой. Все фразеологические словари фиксируют, что роза была у римлян эмблемой тайны. Когда розу подвешивали к потолку над пиршественным столом, гости знали, что все сказанное здесь должно оставаться тайной. Так, в словаре Ллойда («*Dictionarium historicum, geographicum, roeticum*», 1686) приводится четверостишие:

Est rosa flos Veneris quo dulcia furta laterent
 Harpocrati matris dona dicavit Amor
 Inde rosam mensis hospes suspendit amicis
 Convivae ut sub ea dicta tacenda sciant.

Буквальный перевод: «Роза — цветок Венеры: чтобы тайные любовные связи скрывались, дары матери Амур посвятил Гарпократу. Поэтому хозяин подвешивает розу над дружеским столом, чтобы сотрапезники знали, что о сказанном под ней следует молчать». (Гарпократ — древнегреческое имя египетского бога Гора. Он изображался мальчиком, держащим палец у рта. Этот жест истолковывался как знак молчания. Гарпократа считали богом молчания.)

Роза как символ тайны нашла отражение и в европейской культуре. Розу изображали на потолке помещений, где проходили тайные переговоры. Роза часто фигурирует на решетке католической исповедальни. Известно также, что в литературе фразеологизм *sub rosa* употребляется в своей исконной форме, возможно, определенную роль играет при этом и краткость выражения. Ср.: «Обо всем, что наши старшие братья касались только *sub rosa*, отдаленными намеками, украшенными акантовыми и фиговыми листочками, мы готовы кричать с высоты крыш» (А. И. Герцен). Ср. еще:

Niemand beichet gern in Prosa?
 Doch vertraun wir oft sub Rosa
 In der Muse stillen Heim.
 Goethe.
 «An die Günstigen»

Буквально: «Никто не признается охотно в прозе. Однако мы часто доверяем *sub rosa*, в тихом домике Музы (т. е. поэзии)».

Однако литературный перевод О. Чухонцева (см.: Гете, И. В. Фауст. Лирика / И. В. Гете. — Москва : Художественная литература, 1985) не сов-

сем точно передает смысл выражения, из-за чего теряется его символическая семантика. В результате перевод и в целом далек от оригинала. Ср.:

У поэтов нет секретов.
 А воздержанных поэтов
 Не найти и днем с огнем.
 То, чего не скажешь прозой,
 То само собой «под розой»
 Мы друзьям своим сболтнем.

Передача заимствованных оборотов требует разного подхода, что, прежде всего, определяется разнообразием как структурных, так и семантических особенностей устойчивых сочетаний. Естественно, что сравнительно просто передаются мотивированные сочетания, которые не представляют сложности для понимания, вызывают понятные ассоциации и аллюзии, благодаря чему они легко входят в систему другого языка. Ср.: *Nil sub sole novum*. — *Ничего не ново под солнцем; Homo locum ornat, non habitum locum*. — *Человек украшает место, не место — человека; O tempora, o mores!* — *О времена, о нравы!*

По-другому обстоит дело с немотивированными сочетаниями, которые не только в заимствующем языке трудно воспринимаются, но не всегда полностью осознаются и в родном. Они неизменно требуют определенного комментария. Проиллюстрируем это примером: *Hic Rhodus, hic salta!* — *Здесь Родос, здесь прыгай!* Ср. греч.: Ἰδοὺ Ῥόδου, ἰδοὺ καὶ πῆδημα (Aesop., Fab., 203). — *Вот Родос, вот и прыжок.*

Выражение употребляется в таком значении: самое сложное, важное следует тут же доказать и показать. Фразеологизм восходит к басне Эзопа, где рассказывается о хвастуне, который якобы на острове Родос совершил удивительный прыжок, победив всех мастеров в этом соревновании. Хвастунишка ссылается на свидетелей-родосцев, а ему отвечают — *здесь Родос, здесь прыгай*. Из античных авторов эта ФЕ встречается также у Плутарха. При этом можно отметить, что сочетание, возникшее первоначально в греческом языке, становится популярным и функционирует в латинском варианте. Фразеологизм сразу приобрел переносный смысл, что прочно вошло в семантическую структуру языка и позволило употреблять его в разных контекстах. Например, у И. С. Тургенева читаем: «Верь мне — или не верь — как угодно — но для так называемого воздействия на европейскую публику — всякие статьи бесполезны... *Hic Rhodus, hic salta!* Явись, например, великий русский живописец — его картина будет лучшей пропагандой, чем тысячи рассуждений о способностях нашего племени к искусству» (Письмо А. И. Герцену, 12. XII.1867).

Появление в языке немотивированных сочетаний связано прежде всего с тем, что ФЕ включает лексемы, обозначающие конкретный факт из жиз-

ни другого народа, содержащие намек или прямое указание на чужеземный обычай, обряды, символы, поверья. Чтобы прояснить значение подобного фразеологизма, требуется историко-этимологический анализ. Обратимся к примерам.

Сочетание *Hannibal ad (ante) portas*. — *Ганнибал у ворот; Ганнибал перед воротами* означает: государству угрожает близкая, грозная опасность. Источник этого выражения, по данным фразеологических словарей, — произведение Тита Ливия «От основания города» (XXIII, 16). Автор повествует о критическом моменте второй Пунической войны (218–201 гг. до н. э.), когда Ганнибал, захватив ряд римских городов, двинул свои войска на Рим. Однако у Ливия это словосочетание в указанном тексте употребляется в буквальном, не переосмысленном значении. Хотя как поговорочное это выражение употребляется уже Цицероном (106–43 гг. до н. э.) в «Филиппиках» (I, XI, 6–9): «An ea res agebatur ut etiam aegrotos deferri oporteret? Hannibal, credo, erat ad portas». — «Или обсуждалось такое важное дело, что даже заболевших надо было нести в сенат? Ганнибал, видимо, стоял у ворот».

Интересное сочетание прямого и переносного восприятия фразеологизма иллюстрирует пример из журнала «Смена» (23.01.1977): «Немец у самых ворот Ленинграда, и мне кажется, что в моем родном городе все поставлено на ноги, что вы подобно римлянам крикнули клич: *Hannibal ante portas!* И стали готовиться к неслыханной по упорству обороне».

Следует обратить внимание на тот факт, что в ряде случаев нет единого мнения по поводу авторства того или иного выражения. Для того, чтобы наиболее корректно решить этот вопрос, мы, в основном, опираемся на материал оригинальных античных текстов, учитывая время их написания.

Сочетание *fides Punica / Punica fides* — *пунийская (пуническая, карфагенская) верность* употребляется в значении: коварство, вероломство. О пуническом коварстве, нечеловеческой жестокости, вероломстве читаем у Тита Ливия (XXI, 4, 9). Сочетание *fides Punica* находим в «Югуртинской войне» (108, 3) Гая Саллюстия Криспа: «Sed ego conperior Bocchum magis Punica fide quam ob ea, quae praedicabat, simul Romanos et Numidam spe pacis adtinuisse multumque cum animo suo volvere solitum, Iugurtham Romanis an illi Sullam traderet». — «Действия Бокха, надеждой на мир державшего одновременно в напряжении и римлянина, и нумидийца и все время раздумывавшего, кого кому предать: Югурту римлянам или Сулле, определялись пунийской верностью».

Приведем еще пример из П. Успенского, в котором находим как переносное значение, так и прямой словарный эквивалент: «Мне осталось только подивиться той *punica fides*, о которой я узнал» («Книга бытия моего»).

Остановимся теперь на выражении *risus sardonicus* из греч. ὁ σαρδάνιος/σαρδάνιος γέλως — *сардонический смех*, т. е. смех язвительный, злобный, желчный. Это выражение встречается у Гомера: Μείδησε δὲ θυμῷ σαρδάνιον μάλα τοῖον (Od., XX, 301–302). — *Он же улыбнулся в душе очень сардонически*¹.

Фразеологизм связывается с действием ядовитой травы *Sardonia herba*, которая росла на острове Сардиния и от которой человек умирал. При этом на лице его появлялась гримаса, похожая на смех. О действии этой травы читаем у греческого писателя II в. Павсания: «Φαρμάκων ἢ νῆσος ὅσα ἐργάζεται θάνατον· ἢ πόα δὲ ἢ ὀλέθριος σελίνῳ μὲν ἐστὶν ἐμφορῆς, τοῖς φαγοῦσι δὲ γελῶσιν ἐπιγίνεσθαι τὴν τελευτὴν λέγουσιν. ἐπὶ τούτῳ δὲ Ὅμηρός τε καὶ οἱ ἔπειτα ἄνθρωποι τὸν ἐπὶ οὐδενὶ ὑγιεῖ Σαρδάνιον γέλῳτα ὀνομάζουσι». — «На острове нет ядовитых растений, причиняющих смерть человеку, кроме одного, — его вредоносная зелень очень похожа на петрушку (сельдерей), и говорят, что тот, кто ее съест, умирает от смеха. Поэтому Гомер и все последующие люди называют смех, не идущий на пользу, сардоническим» («Описание Эллады», X, 17, 13). Ср.: «От стрихнина он умер. Взгляните-ка на его лицо. Взгляните на искажение лицевых мускулов — это стрихнин. Это „*risus sardonicus*“» (Б. Гарт. «Разговор в спальном вагоне»).

Рассмотрим еще один пример: *Rubiconem transire* — *перейти Рубикон*, т. е. принять серьезное решение, сделать решительный шаг. Выражение восходит к Гаю Светонию Транквиллу, который описывает решение Юлия Цезаря перейти реку Рубикон (49 г. до н. э.), отделяющую Цизальпийскую Галлию от Италии. По римским законам проконсул имел право возглавлять войско только за пределами Италии. Перейдя Рубикон с войском, Цезарь фактически объявил войну сенату, развязал гражданскую войну. Ср.: «Если Михаил Сергеевич вспомнит лучшие дни 1985–1987 гг., август 1990 — „500 дней“, возглавит левоцентристский блок, я пойду с ним выполнять любую работу. Нужно перейти Рубикон и бросить жребий. Иначе — Литва, Латвия, новые трагедии. Так что же дальше, товарищ президент?» (Шаталин, С. [Статья] / С. Шаталин // Московские новости. — № 4. — 1991. — 27 янв.).

С фразеологизмом *Rubiconem transire* тесно связан другой — *Alea jacta est*. — *Жребий брошен*, т. е. конец нерешительности, решение принято. Источник тот же, что и в предыдущем случае: Светоний («Божественный Юлий», 32), который пишет, что указанную фразу Цезарь произнес по-латыни, однако согласно Плутарху — по-гречески. Если фраза была произнесена по-гречески, то Цезарь процитировал или Софокла, или Менандра.

¹ История становления и употребления этого выражения уже в античном тексте с толкованием вариантов его происхождения подробно рассмотрена А. Ф. Лосевым в «Мифологии греков и римлян» [2, с. 158–161].

Первоисточником, на наш взгляд, является Софокл: ср.: κλῆρος ἐπάλλετο (Soph., Antigone, 396).

Только в латинском варианте нам известно выражение *rota Fortunae* — *колесо Фортуны*. Фортуна — римская богиня, предопределяющая удачу и неудачу. Первоначально была покровительницей урожая и материнства. Изображалась с повязкой на глазах, ее характерный атрибут — колесо или шар; то и другое — символы неба. Но значение этих символов уже забыли в античности, хотя некоторые ассоциации, связанные с ними, остались, поскольку всегда считалось, что все превратности судьбы человека зависят от сил небесных. Более популярной стала другая трактовка атрибута *rota* — *колесо*. Она связана с представлением о движении, повороте, ухабах и т. п. Выражение *rota Fortunae* стало символизировать повороты человеческой судьбы. Повязка на глазах богини означает, что счастье слепое, судьба переменчива и превратна, удача непостоянна (ср.: *Fortuna saepe est*). В руках Фортуна держала руль и рог изобилия. Руль — символ управления судьбой, рог — символ богатства, благополучия, процветания. Образ Фортуны, определяющей судьбу, активно использовался в античности. Ср.: «Но поскольку большинством дел человеческих правит Фортуна, которой, очевидно, было угодно, чтобы ты испытал на себе ее силу...» (Саллюстий. «Югуртинская война», 102, 9).

Сочетание продолжает активно употребляться в русском языке. Кроме того, на его основе возникло ряд новых сочетаний: *любимец фортуны*, *баловень фортуны*, *улыбка фортуны/судьбы* и даже просторечный русский глагол *подфортировать*.

Не менее интересными как для фразеологии, так и психолингвистики и этнологии являются ФЕ с компонентами-топонимами. В количественном отношении корпус этих фразеологизмов невелик. В словаре латинских крылатых слов Н. Т. Бабичева и Я. М. Боровского таковых 18, в словаре Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной — 7, в историко-этимологическом справочнике под редакцией В. М. Мокиенко — 8. Хотя в последних двух словарях количественный состав почти одинаков, он неоднороден по составу. Практически совпадают только три фразеологизма: *аттическая соль*, *перейти Рубикон*, *троянский конь*.

Как видно из приведенных примеров, устойчивые сочетания с топонимами — это полукальки. Несмотря на признаки адаптации (как то: образование дериватов и вариантов, расширение семантики и т. д.), античные имена, в связи со своеобразием своего первоначального происхождения и применения, все еще воспринимаются как экзотизмы, а отсюда их книжный характер и невысокая частотность функционирования. Их небольшое количество, малоупотребительность в языке объясняется стилистической отмеченностью, неясностью внутреннего образа для значительной части

носителей языка. Поэтому подобные фразеологизмы непонятны без этимологических разысканий, которые проясняют значение устойчивой единицы. Затемненность образа способствует их малоупотребительности в заимствующем языке, хотя в языке-источнике они и имели «открытый» образ.

Представляется интересным проследить, чем определяется актуальность топонимов в одних выражениях в отличие от других, где топонимы остаются неизвестными за пределами одной языковой области или даже одного конкретного стиля. Здесь важно также обратить внимание на тот факт, как *modus vivendi* народа воздействует на ментальность, систему образов и представлений и как это отражается в языке. Для иллюстрации обратимся к двум устойчивым сочетаниям, нашедшим отражение в греческой культуре.

Рассмотрим ФЕ *беотийская свинья* и *аттическая соль*. Интерес к этим двум фразеологизмам в сопоставительном плане пробудила у нас книга А. Тойнби «Постижение истории» [6, с. 126]. Разрешим себе цитату: «Тогда путешественнику еще более удивительной представляется эта греческая Бавария. Как называлась эта небольшая страна во время существования эллинской цивилизации? Она называлась Беотией; в эллинских устах слово „беотиец“ имело вполне определенный оттенок. Этим словом обозначался простоватый, туповатый, невпечатлительный и грубый этос — этос, выпадающий из общего ряда отмеченной гением эллинской культуры. Это несоответствие беотийского этоса эллинизму подчеркивается тем фактом, что сразу же за горной цепью Киферон вокруг одного из отрогов Парнаса находится Аттика — „Эллада Эллады“ — страна, этос которой представлял собой квинтэссенцию эллинизма. А совсем рядом проживает народ, этос которого для нормального эллина был словно диссонирующий звук. Этот контраст можно почувствовать в выражении „беотийская свинья“ и „аттическая соль“» [6, с. 126].

После сказанного следует уточнить, что Аттика оценивалась современниками и потомками как центр культуры (*аттическая соль* как обозначение остроумия и изящества речи); сельскохозяйственная Беотия считалась в древности неким античным Пошехоньем — страной дураков.

Выражение ἡ Βοιωτία ὄς — *беотийская свинья* находим у Пиндара, беотийца по происхождению, получившего образование в Афинах. Ср.: «Ἀρχαῖον ὄνειδος ἀλαθέσιν λόγοις εἰ φεύγομεν, Βοιωτίαν ὄν» (Pind., Olympia, 6, 90). — «Избежим ли мы древнего ругательства словами „беотийская свинья“»; «Ἦν ὅτε σύας Βοιωτίων ἔθνος ἔνεπον» (Pind., Dithyrambus, Fragmenta, 83). — «Был когда-то беотийский народ назван свиньями».

Когда Пиндар, как следует из его жизнеописания, назвал Афины «оплотом Эллады», то фиванцы наложили на него штраф в 1000 драхм, но афиняне за него их выплатили.

Словарь древнегреческого языка И. Х. Дворецкого [1, т. 2, с. 1704] толкует выражение Пиндара *беотийская свинья* пояснением о грубом человеке. Таким образом, это сочетание первоначально мотивировано. Отрицательная коннотация усиливается словом *свинья*, с которым преимущественно в европейской культуре связаны негативные ассоциации (см. [7, с. 419–421]). В настоящее время мотивировка утрачена. Словарь современного греческого языка это выражение не фиксирует.

Как следует из цитаты А. Тойнби, понятию *Беотия* резко противопоставляются представления об Аттике, о чем, в частности, свидетельствует достаточно известное сочетание *аттический соль*. Начнем с того, что выражение *sal Atticus* (как правило, дается в латинском варианте) не отмечено у античных авторов, хотя фразеологические словари русского языка приписывают это выражение Цицерону. Следует, однако, сказать, что в цитате, на которую ссылаются авторы словарей, приведенное латинское выражение также отсутствует и дается фразеологизм *соль остроумия*. Интересен факт, что в современном греческом языке этот фразеологизм отмечен (*αττικόν άλας*). В данном выражении значительную роль сыграла семантика существительного *соль*: уже в античности соль являлась символом остроумия, тонкой шутки, юмора, изящества. Ср. *cum grano salis* — поговорить *со щепоткой соли*, т. е. с оттенком шутливости, не совсем всерьез; *multi sales* (Ар.) — ‘острота, остроумие’; *urbani sales* (С.) — ‘тонкая шутка, юмор’; *sal niger* — ‘едкая насмешка, сарказм’ и т. д.

Символичным стало также и определение *аттический* (ср. *аттицизм*, *аттический орден*, *аттическая колонна*, *база* (арх.)), которое стало выражением чего-то высокого, утонченного, блистательного. Ср.: «Афины придали эллинской культуре неизгладимый аттический отпечаток, что единодушно признано потомками» [6, с. 266–267].

В русском языке фразеологизм *аттическая соль* отмечен в словаре XI–XVII вв. [4, вып. I, с. 46], словаре XVIII в. [5, вып. I, с. 114] и ряде других лексикографических источников более позднего времени. Причем первоначально выражение, видимо, было заимствовано в форме *афическая слажность*. В настоящее время фразеологизм функционирует в книжной речи.

В зависимости от целей исследователя каждое заимствованное сочетание можно рассматривать с точки зрения определенных критериев. В качестве основных при изучении материала мы выделили следующие:

- 1) степень соответствия оригиналу: а) воспроизводит ли заимствование его форму полностью или же представляет собой усеченную часть; б) смысловая и формальная точность передачи;
- 2) стабильность заимствованной формы или вариативность;
- 3) установлен ли автор и насколько точно;

4) активно ли заимствование в деривационном плане, стало ли оно ядром новых языковых единиц;

5) служило ли выражение-первоисточник моделью для перефразировки.

Как мы показали на проанализированных примерах, каждое из заимствований обладает присущим ему набором признаков, вследствие чего устойчивые выражения в целом представляют собой достаточно разнообразную группу.

Наблюдения показывают, что заимствования из классических языков употребляются писателями и журналистами для достижения стилистического эффекта, а также для интеллектуализации речи. Это особенно характерно для периодов, когда мода на какой-нибудь иностранный язык достигает уровня «эпидемии».

Прямые заимствования бытуют в воспринимающем языке либо в оригинальном (т. е. иноязычном) графическом оформлении, либо в транслитерированном, либо функционируют в виде калек. Отметим сразу же, что, как показали исследования, отдельные виды заимствований по-разному соотносятся друг с другом и с соответствующими фразеологизмами принимающего языка и, отличаясь некоторыми своими свойствами, неодинаково воспринимаются носителями языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / И. Х. Дворецкий; под ред. С. И. Соболевского ; с приложением грамматики, составленным С. И. Соболевским : ок. 70 000 слов. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. — 2 т.
2. *Лосев, А. Ф.* Мифология греков и римлян / А. Ф. Лосев ; сост. А. А. Тахо-Годи. — Москва : Мысль, 1996. — 975 с.
3. *Мокиенко, В. М.* [Рецензия] / В. М. Мокиенко // Вопросы языкознания. — 2003. — № 6. — С. 147–150. — Рец. на кн. : Mieder, W. International Proverb Scholarship : An annotated bibliography. Supplement III (1990–2000) / W. Mieder. — New York; Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt-am-Main; Oxford; Wien : Peter Lang, 2001. — 472 p.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. : вып. 1–8. — Москва : Наука, 1975–1981.
5. Словарь русского языка XVIII в. : вып. 1–5. — Ленинград : Наука, 1984–1989.
6. *Тойнби, А.* Постижение истории / А. Тойнби. — Москва : Прогресс, 1991. — 736 с.
7. *Kopaliński, W.* Słownik symboli / W. Kopaliński. — Warszawa : Wiedza Powszechna, 1990. — 512 s.

Шаўчэнка Галіна Іванаўна — кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры класічнай філалогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск).

Філалагічныя штудыі = *Studia philologica* : зб. навук. арт. / пад рэд. Г. І. Шаўчэнка, К. А. Тананушкі ; рэдкал.: А. В. Гарнік [і інш.]. — Вып. 8. — Мінск, 2015. — С. 96–104.